

УДК 81'4
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-6-188-198

Механизмы легитимизации в медиадискурсе (на материале интернет-СМИ)

И. В. Савельева

*Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия*

Аннотация

Особую роль в легитимизации политических отношений играют сегодня новые медиа. Анализ новостного дискурса позволяет выявить основные механизмы узаконивания решений политических институтов. Описание дискурсивной специфики конструирования политических решений выполнено на материале интернет-текстов британской газеты «The Guardian», освещающих события в Венесуэле в январе 2019 г. Анализ эмпирической базы демонстрирует наличие в медиадискурсе, посвященном событиям в Латинской Америке, нескольких групп субъектов. Их статусная репрезентация как акторов дискурса позволяет СМИ объективизировать формируемую в сознании общества медиакартину мира. В результате анализа сделан вывод об использовании газетой «The Guardian» определенных способов представления участников событий в Венесуэле, целью которых является обоснование легитимности действий нового оппозиционного лидера. В перспективе исследования – проведение сопоставительного анализа новостного дискурса британских и российских новых медиа.

Ключевые слова

интернет-СМИ, медиадискурс, легитимизация, акторы дискурса, политические взаимоотношения

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект».

Для цитирования

Савельева И. В. Механизмы легитимизации в медиадискурсе (на материале интернет-СМИ) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 6: Журналистика. С. 188–198. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-6-188-198

Legitimization Mechanisms in the Media Discourse (A Case Study of the New Media)

I. V. Saveleva

*Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation*

Abstract

Purpose. Today, new media play a crucial role in legitimating political relations. Theoretical background of the current research draws on the social cognitive approach to discourse studies. From this perspective, legitimization is understood as one of the major ways of establishing social dominance in the process of meaning negotiation. As the meanings in discourse can vary, discourse actors have tools to attribute components of meaning to specific affairs, for instance, political and social. An analysis of the news discourse aims to identify major mechanisms of establishing legitimacy of political decisions conducted by political institutions. The authors describe discursive features of constructing political decisions by applying the method of discourse analysis to the news on Venezuelan crisis, which took place in the winter 2018–2019.

© И. В. Савельева, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 6: Журналистика
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 6: Journalism

Results. As the study of the empirical data demonstrates, the British mass media tend to construct discursive representation of Latin America's events by introducing of several groups of actors in the news on the Venezuelan crisis. Generally, these groups relate to socio-political hierarchy. They include individual, collective, institutional and international actors. By tracing the elements of their agency in Venezuelan crisis 2019 news, authors assume that their functions in news construction are directly connected to the mechanism of objectivation. Recognizing the informative function of media as one of the major, authors argue that this mechanism also relates to establishing legitimacy in discursive practices. The ways by which the actors of the events in the discourse on Venezuela have been embedded in the articles show the creation of increasingly formed belief in legitimate actions of the new opposition leader.

Conclusion. The study contributes to the methods of discourse analysis as well as to the search for legitimization strategies applied by the media. The implications of the study include the comparative analysis of British and Russian new media discourse.

Keywords

Internet media, media discourse, legitimation, discourse actors, political relations

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-012-00522

For citation

Saveleva I. V. Legitimization Mechanisms in the Media Discourse (A Case Study of the New Media). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 6: Journalism, p. 188–198. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-6-188-198

Современная наука представляет немало подтверждений тому, что социальные институты общества и, в первую очередь, средства массовой информации оказывают «мощное влияние на мировоззрение современного человека» [Мардиева, 2016. С. 14]. Целенаправленное воздействие СМИ на аудиторию и их роль в трансляции политики и идеологии подробно изучены. С точки зрения аналитиков дискурса, масс-медиа производят особый тип реальности – масс-медийную реальность, которая является относительно автономной по отношению к внешнему миру [Дубровская, Кожемякин, 2015], порождают особый инвариант образа мира – медиакартину мира [Мардиева, 2016].

Медиатизация политического дискурса представляет серьезный инструментарий для усиления позиции власти в государстве [Media Effects..., 2002]. Организация и способы подачи информации в дискурсе СМИ влияют на принятие или непринятие обществом легитимности действий существующих политических институтов. Однако не вполне законные политические, экономические и даже военные меры могут приниматься вопреки общественному мнению, а стратегии, реализуемые СМИ, позволяют преподнести подобные действия как необходимые, адекватные и легитимные, а также могут заставить замолчать тех, кто имеет мужество высказать подобное мнение [Ван Дейк, 2013, с. 10].

Представители когнитивного направления исследований дискурса рассматривают влияние института медиа во взаимосвязи с концептом «ложного сознания», демонстрируя результат воздействия СМИ и их контента на разные социальные группы. По мнению L. Van Zoonen, представление о социальной норме в массовом и индивидуальном сознании деформируется при системном потреблении искаженной информации. Так, массовые публикации сексуально ориентированных материалов в прессе оказывают негативное влияние на гендерное поведение девушек-подростков [Zoonen, 2017].

Как пишет Р. Харрис, СМИ «навязывают повестку дня», в частности, уделяя предварительным президентским выборам намного больше внимания, чем другим событиям. Концентрируя внимание на отвлеченных вопросах, подобных задолженности стран третьего мира или переходу от производства сельхозпродукции к ее импорту, СМИ внушают нам, что мелкие политические детали предварительных выборов важны, а другие проблемы менее значимы [Харрис, 2002].

Актуальность проблемы изучения способов и средств, посредством которых в дискурсе СМИ решаются властные взаимоотношения, обусловлена неослабевающим интересом к дискурсивно конструируемому социальному миру. Согласно социально-когнитивной теории дискурса, разработанной Т. Ван Дейком, дискурс – одна из форм легитимизации социального

неравенства. Изучить механизмы легитимизации означает понять способы установления неравенства и доминирования через дискурс [Ван Дейк, 2013. С. 26].

П. Бергер и Т. Лукманн описывают легитимизацию как процесс вторичной объективации существующих значений, их объяснения и обоснования [Berger, Luckmann, 1967]. В социально-конструкционистской теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф значения рассматриваются как непостоянные, они конструируются в борьбе дискурсов. Поэтому легитимизация – это принятие законности, «фиксация» данных значений в аспекте доминирующей идеологии [Йоргенсен, Филлипс, 2008. С. 26].

Легитимизация – ключевой концепт в теории проксимизации П. Цапа. Согласно модели ученого, дискурсивное действие механизмов легитимизации объясняется через создание эффекта приближенности и значимости событий для адресата [Сар, 2005].

Термином «легитимизация» (синоним – легитимация) в научной литературе обозначаются процессы, связанные с установлением правомочности действий политиков (от англ. *legitimation / legitimation* – узаконивание). В социологическом словаре находим следующие значения лексемы «легитимизация»: 1. Процесс обоснования легитимности правящих групп. 2. Стремление индивида или группы представить собственные действия как общественно значимые и оправданные¹.

В данной работе мы понимаем легитимизацию как процесс актуализации значений, которые формируют и концептуализируют политические взаимоотношения с позиции соответствия принятым в обществе социальным нормам. В свою очередь, процессы, направленные на достижение противоположного результата, т. е. на дискредитацию субъектов власти, их политических решений и мер, мы называем делегитимизацией, основываясь на существующей антиномии понятий с аналогичным значением: легитимация – делегитимация².

В основе стратегий легитимизации, реализуемых в различных дискурсивных практиках, как и в основе формирования ложного сознания, лежат процессы когнитивного искажения. Целенаправленность и селективность новостного контента способствует образованию разного рода когнитивных трансформаций в сознании объекта сообщения (например, высокая частотность освещения одного и того же события за ограниченный период вызывает у аудитории чувство причастности и близкой угрозы). Это позволяет манипулировать сознанием читателя, воздействовать на рациональную и эмоциональную сферы адресата дискурса [Мезенцева, 2016]. Так, образ «чужого» в дискурсе западных СМИ чаще всего ассоциируется с Россией. Напротив, в российских медиа это вероятнее всего будут страны НАТО. В целом, образ «врага» в медиадискурсе, как правило, конструируется посредством стратегий делегитимизации, дискредитации, навешивания ярлыков, очернения противника и др. [Иссерс, 2017; Руженцева, 2004; Руженцева, Антонова, 2013].

Разрабатывая основания для изучения дискурсивных механизмов легитимизации, мы опирались на исследования разных лет, выполненные отечественными и зарубежными учеными Т. Ван Дейком [2013], Т. В. Дубровской [Дубровская, Кожемякин, 2017], М. Йоргенсен [Йоргенсен, Филлипс, 2008], В. И. Карасиком [2012], И. В. Силантьевым [2004], Э. В. Чепкиной [2000], Т. В. Чернышовой [2005], А. П. Чудиновым [2008].

Цель настоящего исследования – описать дискурсивные механизмы легитимизации действий официальной власти и оппозиции на примере дискурс-анализа новостных материалов о событиях в Венесуэле, опубликованных британским изданием «The Guardian» в декабре 2018 – январе 2019 г. Выбор эмпирической базы для исследования связан с тем, что механизмы легитимизации приобретают особую важность в периоды политических противоречий и кризисов [Doudaki, 2015, p. 3]. Народные волнения в Венесуэле, начавшиеся после выборов президента Николаса Мадуро на второй срок, а также последующее назначение представите-

¹ Энциклопедия социологии. URL: <https://dic.academic.ru/>

² Делегитимация – процесс, противоположный легитимации. Сопровождается утратой доверия, лишением политики и власти общественного кредита. URL: https://political_science.academic.ru.

ля оппозиции Хуана Гуайдо временным исполняющим обязанности президента страны являются «дискурсогенными событиями» текущего момента [Волчек, Орлова, 2015].

Британское издание «The Guardian» – одно из всемирно известных новостных агентств, позиционирующих себя как независимая газета. Официально ежедневный таблоид «The Guardian» поддерживает либеральную партию Великобритании. Анализ способов конструирования дискурса о венесуэльском кризисе, применяемых данным изданием, помогает наблюдать «борьбу дискурсов за установление легитимности значений» на англоязычном новостном материале и дает возможность проследить действие механизмов легитимизации в дискурсе политической проблематики.

В соответствии с семантикой понятия легитимизации, а также с сущностью ее «дискурсивного существования» оппозиция «легитимные действия – нелегитимные действия» восходит к универсальной философской оппозиции «истинный – ложный». Очевидно, что истинность / ложность того или иного понятия в аспекте социального взаимодействия целенаправленно конструируется в дискурсивных практиках. Данная оппозиция была спроецирована на дискурсивную репрезентацию участников новостного дискурса о Венесуэле. Как показывает анализ, категория «ложный» (не соответствующий нормам общества, незаконный, нелегитимный) переходит в категорию «истинный» (принятый социумом как должное, законный, легитимный) и наоборот во многом по причине дискурсивных действий акторов (участников событий).

СМИ как институциональный актор, продуцирующий новостной дискурс, запускает механизм объективизации информации. Для этого используется комплексная система методов, включающая отбор материала, освещение событий с разных ракурсов, а также трансляцию позиций, мнений, заявлений других субъектов дискурса. Данные субъекты принадлежат к разным уровням социально-политической иерархии. Классификация дискурсивных акторов, привлекаемых СМИ для представления легитимности / нелегитимности политических действий, позволяет выделить следующие уровни:

- индивидуальные акторы (очевидцы, эксперты, политики);
- коллективные акторы (представители какой-либо социальной группы, например беженцы);
- институциональные акторы (СМИ, партии, правительства на внутригосударственном уровне);
- международные акторы (Европарламент, НАТО, ООН, государства в отношении международной политики).

Такая многоуровневая система акторов позволяет транслировать события с разных ракурсов, создавая эффект объективного представления действительности. Необходимо отметить, что границы между данными группами являются относительными, так как их символическое представление в дискурсивной реальности осуществляется в вариативных репрезентациях. Следовательно, один и тот же актор может выступать как индивидуальный, например давать интервью очевидца событий от первого лица, и как коллективный, т. е. высказывать мнение целой группы. Президент государства легитимен представлять институт власти в своей стране, но, согласно его полномочиям, он также может являться субъектом международных отношений.

Индивидуальные акторы. С целью объективизации демонстрации непредвзятого отношения к происходящему в мире интернет-издание «The Guardian» формирует новостной контент, привлекая большое количество участников событий. В январе 2019 г. трансляция событий в Венесуэле, где после выборов президента Николаса Мадуро на второй срок начались беспорядки, занимает первые полосы многих изданий, в том числе и «The Guardian». С того момента, как оппозиционер Хуан Гуайдо появился на политической сцене, «The Guardian» планомерно конструирует образ нового героя Венесуэлы. Одним из способов легитимизации назначения данной политической фигуры временным президентом является создание эффекта «сопротивления человека машине власти», что требует введения в новостной дискурс ин-

дивидуальных акторов. Прежде всего, это сам лидер оппозиции Хуан Гуайдо, который, будучи «an unknown figure on the international stage» (неизвестной фигурой на международной сцене), на глазах мировой общественности (и адресатов дискурса) меняет свой статус:

That changed on Wednesday, when the young politician stood before thousands of protesters in Caracas and swore himself in as interim president. – Все изменилось в среду, когда молодой политик встал перед тысячами протестующих в Каракасе и провозгласил себя временным президентом³.

Изображение оппозиционера как спасителя, пришедшего дать свободу народу Венесуэлы, в материалах «The Guardian» от 23 января 2019 г. осуществляется посредством включения в дискурс еще одного индивидуального актора – сторонника Гуайдо («Freddy Guevara, an opposition leader and friend of Guaidó») Фредди Гевара, лидера оппозиции и друга Гуайдо, дающего положительную характеристику своему соратнику:

Guaidó is a fighter and an eternal optimist... he's humble and sincere... He gets along with everyone and doesn't have the typical profile of a politician – Гуайдо – боец и вечный оптимист... он скромный и искренний... Он ладит со всеми и имеет нетипичный для политика образ⁴.

Данный очевидец событий намеренно представлен как пострадавший от официальных властей Венесуэлы. Так как личная встреча с ним была затруднена, его интервью получено «in a telephone call from the Chilean ambassador's residence in Caracas, where he is seeking asylum» («в телефонном звонке из резиденции посла Чили в Каракасе, где он (Гевара) ищет убежища»). Так, краткая журналистская ремарка показывает, что гонения на представителей оппозиции – объективная реальность, а цитата из дискурса Гевары – что молодой политик Гуайдо обладает положительными человеческими качествами.

Коллективные акторы. Время перемен в латиноамериканской стране также вызвано ситуацией кризиса – экономического и политического: эту мысль планомерно формирует новостной дискурс издания «The Guardian». К осознанию нелегитимности власти Николаса Мадуро читательскую аудиторию приближает актуализация позиций коллективных акторов. Прежде всего, это представители беженцев, они – олицетворение безысходности, маргинального существования простых жителей страны. Разоблачающий дискурс «The Guardian» системно транслирует идею о нелегитимности официальной власти. Действия президента Мадуро не только направлены против тех, кто открыто выступает в оппозиции, но и становятся причиной плохих условий для целых групп. Историям бывших граждан Венесуэлы посвящен отдельный новостной материал от 24 декабря 2018 г. – дискурс признаний также наблюдаем в заголовке медиатекста «“The strain is too much”: Venezuelan exodus has Brazil at breaking point» («“Напряжение слишком велико”: поток беженцев из Венесуэлы становится проблемой для Бразилии»):

“We had to leave Venezuela. There is nothing to eat and children are dying of hunger.” – says Andrade, 30, who had crossed the border into Brazil's Roraima state that morning with Márquez and two others after an 18-hour journey from northern Puerto la Cruz – «Нам пришлось оставить Венесуэлу. Там нечего есть, и дети умирают от голода», – говорит 30-летний Андраде, пересекший границу с бразильским штатом Рорайма сегодня утром вместе с Маркесом и двумя другими беженцами после 18 часов пути из Пуэрто ла Круз, города на севере Венесуэлы⁵.

С одной стороны, признания беженцев, ставших частью «the biggest migration crisis in recent Latin American history» («величайшего миграционного кризиса в истории Латинской Америки последнего времени»), позволяют идентифицировать их как индивидуальных акторов, а с другой стороны, их истории – дискурсивная проекция жизни социума в отдельной стране, они продуцируют дискурс подавляемой социальной группы. Поэтому данные субъек-

³ <https://www.theguardian.com/world/2019/jan/15/juan-guaido-venezuelan-opposition-leader-challenging-maduros-rule>.

⁴ Там же.

⁵ <https://www.theguardian.com/global-development/2018/dec/24/venezuelan-exodus-brazil-at-breaking-point>.

ты также могут быть классифицированы как коллективные акторы, противостоящие институциональным и демонстрирующие их нелегитимность.

Институциональные акторы. Проблема необходимости смены власти в Венесуэле конструируется через контраст индивидуальных и институциональных субъектов. Продолжая знакомить читателя с новой политической фигурой в материале от 23 января 2019 г., «The Guardian» интегрирует в новостной дискурс элементы биографического:

Raised in La Guaira, a port city 20 miles from Caracas, Guaidó cut his political teeth during 2007 student protests against Maduro's late predecessor Hugo Chávez, who was then seeking to consolidate power – Выросший в Ля Гуайра, портовом городе в 20 милях от Каракаса, Гуайдо приобрел политическую хватку во время студенческих протестов в 2007, направленных против предшественника Николаса Мадуро, Уго Чавеса, стремившегося консолидировать власть ⁶.

Описание детства 35-летнего оппозиционера Гуайдо происходит на фоне все той же правительственной машины, репрезентированной через дискурс обвинения бывшего президента Венесуэлы Уго Чавеса. Важно отметить, что нынешний лидер Николас Мадуро является последователем Чавеса. В материалах британского издания он неоднократно репрезентирован как «the increasingly authoritarian» («все более и более авторитарный»), выборы которого были сфабрикованы («were seen to be fraudulent»):

Chávez put various constitutional amendments, including the abolition of presidential term limits and the ability to unilaterally declare a national emergency, to a public referendum – Чавес вынес на общественный референдум вопрос о внесении различных поправок в конституцию, включая отмену ограничений на президентский срок и возможность единолично объявлять чрезвычайное положение ⁷.

Жизнь жителей Венесуэлы сквозь «медиапризму» «The Guardian» превращается в трагедию, этому способствует включение в один медиатекст индивидуальных, коллективных и институциональных акторов. Иллюстрацией может служить новость под заголовком «Venezuela crisis takes deadly toll on buckling health system» («Венесуэльский кризис окончательно уничтожит и без того нестабильную систему здравоохранения») от 6 января 2019 г. Президент Мадуро в данной статье продуцирует дискурс как институциональный актор. Его заявление «The people's health is our priority» («Здоровье людей – наш приоритет») цитируется на фоне историй пациентов больницы в Баркисимето, четвертом по величине городе Венесуэлы. В центре сюжета – история маленькой девочки, скончавшейся в больнице после процедуры переливания крови:

Hours later, Victoria had died: yet another victim of the political and economic tsunami engulfing what was once one of Latin America's most developed nations – Через несколько часов Виктория умерла, став еще одной жертвой политического и экономического цунами, поглотившего то, что однажды было одной из наиболее развитых стран Латинской Америки ⁸.

Включенный в новость дискурс родителей девочки «Wherever she went this girl was an explosion of love» («Куда бы она не пошла, она была сгустком любви»); «As parents we still haven't overcomethis» («Как родители мы не смогли от этого оправиться») подчеркивает нелегитимность официальной власти, указывает на признаки ее недееспособности. Для усиления эффекта «неистинности» дискурса Мадуро используется прием градации, в материале новости появляется еще один актор, который репрезентируется одновременно как индивидуальный и как коллективный: «a haemodialysis patient and campaigner for chronic patients in Barquisimeto» («пациент, нуждающийся в гемодиализе, и представитель движения в защиту людей с хроническими заболеваниями в городе Баркисимето»). Высказывание пациентки и активистки в одном лице также преподносит читателю ситуацию в альтернативном ключе:

⁶ <https://www.theguardian.com/world/2019/jan/15/juan-guaido-venezuelan-opposition-leader-challenging-maduros-rule>.

⁷ Там же.

⁸ <https://www.theguardian.com/world/2019/jan/06/venezuela-health-system-crisis-nicolas-maduro>.

We want the whole world to hear us... Venezuela is not suffering a humanitarian crisis. Venezuela is in a complete humanitarian emergency – Мы хотим, чтобы нас слышал весь мир... Венесуэла не страдает от гуманитарного кризиса. Венесуэла находится в состоянии гуманитарной катастрофы⁹.

Последовательное включение представителей различных социальных групп в новостной дискурс создает впечатление возрастающего напряжения в обществе, которое затрагивает каждого жителя. Прочитанные слова, обращенные ко всему миру, становятся кульминационным моментом публикации.

Важно отметить, что все участники дискурса встраиваются в дискурсивное поле, создаваемое основным институциональным актором – СМИ, в данном случае это интернет-СМИ «The Guardian». Социальная реальность конструируется институциональным актором, организующим новостной контент в соответствии с медиастратегиями британской газеты и идеологией поддерживаемых ею групп.

Международные акторы. Обострение отношений власти и народа в Венесуэле в интерпретации «The Guardian» имеет значение не только для жителей страны, но и для всего мира. Решение вопросов внутренней политики в «латиноамериканском нефтяном центре» представляется невозможным без вмешательства других стран. Таким образом, в дискурсе о внутригосударственном кризисе большое внимание уделяется международным акторам. Так как оппозиционер Хуан Гуайдо был поддержан правительством США, еще одним участником событий является президент США Дональд Трамп. Он репрезентирован в новостном дискурсе о венесуэльском кризисе в статусе международного актора:

In a statement, Trump described the national assembly as the “only legitimate branch of government duly elected by the Venezuelan people” and warned Maduro not to resort to violence – В своем заявлении Трамп назвал Национальную Ассамблею «единственным легитимным органом правительства, законно выбранным венесуэльским народом» и предупредил Мадуро не прибегать к насилию.

“We continue to hold the illegitimate Maduro regime directly responsible for any threats it may pose to the safety of the Venezuelan people,” – he said – «Мы настаиваем на нелегитимности режима Мадуро, несущего прямую ответственность за любые решения, которые могут угрожать безопасности народа Венесуэлы», – сказал он¹⁰.

В процитированном отрывке Трамп выступает в качестве субъекта международных отношений, так как он является представителем державы, обладающей полномочиями вмешиваться в политику другой страны. Включение данного участника событий в новостной дискурс выводит проблему «истинности / ложности» на глобальный уровень. Так как на мировой сцене роль сверхдержав принадлежит странам, среди которых находится серьезный соперник США – Россия, то неслучайно в данном материале цитируется дискурс «a major Venezuelan ally» главного союзника Венесуэлы, представленный заявлением председателя Комитета по международной политике Госдумы РФ Андрея Климова:

“The United States is trying to carry out an operation to organize the next “colour revolution” in Venezuela,” – Andrei Klimov, the deputy chairman of the foreign affairs committee of the upper house of parliament, said, using a term for the popular uprisings that unseated leaders in Georgia, Ukraine and Kyrgyzstan – «Соединенные Штаты пытаются провести операцию по организации следующей “цветной революции” в Венесуэле», – сказал Андрей Климов, председатель комитета Государственной думы по международной политике. При этом он воспользовался термином, обозначающим небезызвестную волну протестов, которые привели к смещению лидеров Грузии, Украины и Кыргызстана¹¹.

В двух фрагментах публикации под названием «Trump says ‘all options on table’ as Venezuela crisis deepens» (Слова Трампа «все варианты возможны» на фоне усиления кризиса в Венесуэле) в качестве международных акторов выступают конкретные лица. Учитывая тот факт, что символическое представление США связано с Д. Трампом, а России – с В. Путиным, отметим неравноправное представление акторов в анализируемом новостном медиатексте.

⁹ <https://www.theguardian.com/world/2019/jan/06/venezuela-health-system-crisis-nicolas-maduro>.

¹⁰ <https://www.theguardian.com/world/2019/jan/23/venezuela-trump-president-juan-guaido-maduro-recognition-news-latest>.

¹¹ Там же.

сте. Так, высказывание американского президента противопоставляется высказыванию российского политика, занимающего более низкое положение (в данном случае это не президент, а представитель Госдумы). В дальнейшем наблюдаем усиление «эффекта дисбаланса внешнеполитических сил». Кроме представителей России и США, в качестве международных акторов выступают и другие страны евразийского и американского континентов. Страны, поддерживающие венесуэльского президента Мадуро, находятся в явном меньшинстве, поэтому репрезентация дискурса лидеров и представителей других стран проводится с акцентом на неравное число сторонников оппозиции и президента.

Итак, рассмотрение интернет-дискурса как платформы для достижения социальных договоренностей показывает важную роль иерархической репрезентации акторов в процессах легитимизации / делегитимизации политических субъектов. Схематично дискурсивное поле с учетом роли субъектов дискурса в осуществлении действий по легитимизации / делегитимизации можно представить следующим образом:

Горизонтальная ось с крайними точками, обозначенными «легитимно» / «нелегитимно», означает степень добровольного принятия или непринятия легитимности политического института обществом (адресатом дискурса). Акторы дискурса градуированы в соответствии с уровнями в пирамиде социально-политической иерархии (от индивидуального уровня на самой нижней ступени иерархии до межнационального на верхней). Их статусная принадлежность оказывает существенное влияние на эффективность действия механизма легитимизации. Субъектная организация новостного дискурса представлена четырьмя уровнями: индивидуальный, коллективный, институциональный и международный. Репрезентация данных субъектов в дискурсе в аспекте легитимности / нелегитимности значений на данной схеме символически обозначена ключевыми словами, коррелирующими с «согласованными значениями» дискурсообразующего институционального актора – масс-медиа.

Поводя итог, еще раз отметим, что дискурсивная картина мира, формируемая новыми медиа, играет решающую роль в трансляции политических решений власти. Одним из механизмов легитимизации является объективизация событий в новостях, а одним из способов ее осуществления может быть репрезентация субъектов дискурса, имеющих разный статус. Системное включение в медиадискурс акторов разного порядка в вариативных сочетаниях способствует формированию определенного мироустройства. На примере анализа дискурсивного конструирования венесуэльского кризиса 2019 г. британским изданием «The Guardian» показано, каким образом в прессе обосновывается законность действий оппозиционных сил. Напротив, систематическая репрезентация действующего института власти в Венесуэле в лице президента Мадуро в сочетании с полифонией «дискурсивных голосов» других акто-

ров (от пациентов больницы до президентов государств) имеет своим результатом отрицание легитимности решений официальной власти. Перспективой данного исследования является проведение сопоставительного анализа интернет-СМИ, представляющих разные идеологические платформы.

Список литературы

- Ван Дейк Т.** Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации: Пер. с англ. М.: Либроком, 2013. 344 с.
- Волчек В. А., Орлова О. Г.** Признаки «величия» России в дискурсе о Сочи-2014 // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 6. С. 157–162.
- Дубровская Т. В., Кожемякин Е. А.** Дискурс межнациональных отношений: конструктивистская парадигма // Дискурс-Пи. 2017. № 3–4 (28–29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-mezhnatsionalnyh-otnosheniy-konstruktivistskaya-paradigma> (дата обращения 20.01.2019).
- Дубровская Т. В., Кожемякин Е. А.** Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 18 (215). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-mezhnatsionalnyh-otnosheniy-v-smi-spetsifika-reprezentatsiy> (дата обращения 31.01.2019).
- Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Монография. 8-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2017. 308 с.
- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж.** Дискурс-анализ. Теория и метод: Пер. с англ. 2-е изд., испр. Хфрков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
- Карасик В. И.** Речевая коммуникация: дискурсивный аспект // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2012. № 1 (21). С. 23–33.
- Мардиева Л. А.** Виртуальная действительность в языковой и внеязыковой репрезентации (на материале медиатекстов): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2016. 52 с.
- Мезенцева А. В.** Семиозис «ценностного причинения» как онлайн-стратегия СМИ // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 6. С. 60–68.
- Руженцева Н. Б.** Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: Монография. Екатеринбург, 2004. 294 с.
- Руженцева Н. Б., Антонова Ю. А.** Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи: Монография. Екатеринбург, 2013. 292 с.
- Силантьев И. В.** Текст в системе дискурсных взаимодействий // Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 98–123.
- Харрис Р.** Психология массовых коммуникаций. 4-е изд. М.: Олма-Пресс, 2002.
- Чепкина Э. В.** Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 279 с.
- Чернышова Т. В.** Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: Дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2005. 578 с.
- Чудинов А. П.** Политическая лингвистика: Учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2008. 256 с.
- Berger P. L., Luckmann T.** The Social Construction of Reality. New York, Anchor Books, 1967, 240 p.
- Cap P.** Language and Legitimization: Developments on the Proximization Model of Political Discourse Analysis. *Lodz Papers in Pragmatics*, 2005, vol. 1, p. 7–36.
- Doudaki V.** Legitimation Mechanisms in the Bailout Discourse. *Javnost – The Public*, 2015, no. 22 (1), p. 1–17. DOI 10.1080/13183222.2015.1017284.
- Media Effects: Advances in Theory and Research. Eds. J. Bryant, D. Zillmann. Taylor & Francis, 2002, 634 p.
- Van Zounen L.** False Consciousness and Media Effects. In: The International Encyclopedia of Media Effects. Eds. P. Rössler, C. Hoffner, L. Van Zoonen. Wiley & Sons, 2017, p. 564–580.

References

- Berger P. L., Luckmann T.** The Social Construction of Reality. New York, Anchor Books, 1967, 240 p.
- Cap P.** Language and Legitimization: Developments on the Proximization Model of Political Discourse Analysis. *Lodz Papers in Pragmatics*, 2005, vol. 1, p. 7–36.
- Chepkina E. V.** Russkij zhurnalistskij diskurs: tekstoporozhdayushie praktiki i kody (1995–2000) [Russian journalism discourse: text generation practices and codes (1995–2000)]. Ekaterinburg, 2000, 279 p. (in Russ.)
- Chernyshova T. V.** Teksty SMI v mental'no-yazykovom prostranstve sovremennoj Rossii [Media texts in mental and linguistic space of modern Russia]. Doctoral Dissertation in Philology. Barnaul, 2005, 578 p. (in Russ.)
- Chudinov A. P.** Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]. Student's book. Moscow, 2008, 256 p. (in Russ.)
- Doudaki V.** Legitimation Mechanisms in the Bailout Discourse. *Javnost – The Public*, 2015, no. 22 (1), p. 1–17. DOI 10.1080/13183222.2015.1017284.
- Dubrovskaya T. V., Kozhemyakin E. A.** Konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnoshenij v SMI: spetsifika reprezentatsij [Media construction of international relations: representation features] *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific news of Belorussian State University. Humanities], 2015, no. 18 (215). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovaniye-mezhnatsionalnyh-otnosheniy-v-smi-spetsifika-reprezentatsiy> (accessed 31.01.2019). (in Russ.)
- Dubrovskaya T. V., Kozhemyakin E. A.** Diskurs mezhnatsional'nykh otnoshenij: konstruktivistskaya paradigma [International relations discourse: constructivist paradigm]. *Discourse-P*, 2017, no. 3–4 (28–29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-mezhnatsionalnyh-otnosheniy-konstruktivistskaya-paradigma> (accessed 20.01.2019). (in Russ.)
- Harris R.** Psikhologiya massovykh kommunikatsij [The psychology of mass communication]. Moscow, Olma-Press, 2002. (in Russ.)
- Issers O. S.** Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Russian speech strategies and tactics]. Monograph. Moscow, URSS Publ., 2017, 308 p. (in Russ.)
- Jorgensen M. V., Phillips L. Dzh.** Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis; theory and method]. Kharkov, Gumanitarny tsentr Publ., 2008, 352 p. (in Russ.)
- Karasik V. I.** Rechevaya kommunikatsiya: diskursivnyj aspekt [Speech communication: discursive approach] *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal VGSPU «Grani poznaniya»* [Online scientific journal 'Aspects of cognition'], 2012, no. 1 (21), p. 23–33. (in Russ.)
- Mardieva L. A.** Virtual'naya dejstvitel'nost' v yazykovej i vneyazykovej reprezentacii (na materiale mediatekstov) [Virtual reality in verbal and non-verbal representation (the case study of media discourse)]. Doctorate thesis. Kazan, 2016. 52 p. (in Russ.)
- Media Effects: Advances in Theory and Research. Eds. J. Bryant, D. Zillmann. Taylor & Francis, 2002, 634 p.
- Mezentseva A. V.** Semiozis «cennostnogo prichineniya» kak onlajn-strategiya SMI [‘Auxiological cause’ semiosis as media strategy] *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 6, p. 60–68. (in Russ.)
- Ruzhentseva N. B.** Diskreditiruyushie taktiki i priemy v rossijskom politicheskom diskurse [Defamation strategies and means in Russian political discourse]. Monograph. Ekaterinburg, 2004, 294 p. (in Russ.)
- Ruzhentseva N. B., Antonova Yu. A.** Mezhnatsional'nyj diskurs: model' v kontekste epokhi [International Discourse: The model in the epoch's context]. Monograph. Ekaterinburg, 2013, 292 p. (in Russ.)
- Silantiev I. V.** Tekst v sisteme diskursnykh vzaimodejstvij [Text in the system of discourse interdependencies] *Critique & Semiotics*, 2004, no. 7, p. 98–123. (in Russ.)

- Van Dijk T.** Diskurs i vlast': reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii [Discourse and Power in language and communication]. Moscow, Librokom Publ., 2013, 344 p. (in Russ.)
- Van Zoonen L.** False Consciousness and Media Effects. In: The International Encyclopedia of Media Effects. Eds. P. Rossler, C. Hoffner, L. Van Zoonen. Wiley & Sons, 2017, p. 564–580.
- Volchek V. A., Orlova O. G.** Priznaki «velichiya» Rossii v diskurse o Sochi-2014 [Greatness features in the discourse about Sochi-2014] *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 14, no. 6, p. 157–162. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
04.02.2019*

Сведения об авторе

Савельева Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет (ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия)
rector@kemsu.ru

Information about the Author

Irina V. Saveleva, Candidate of Philology, Associate Professor Department of Foreign Languages, Institute of Philology, foreign languages and mass communications, Kemerovo State University (6 Krasnaya Str., Kemerovo, 650000, Russian Federation)
rector@kemsu.ru